

О горе-горянине, Даниле-дворянине

Горе-горянин, Данило-дворянин - жил он у семи попов по семи годов, не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил; и пошел он в новое [иное] царство лучшего места искать. И палася ему навстречу бабка голубая шапка: "Куды, - говорит, - Горе-горянин, Данилс-дворянин, путь-дорогу держишь?" Отвечает ей Горе-горянин, Данило-дворянин: "Жил я у семи попов по семи годов, да у дядюшки князя Владимира девять лет; не выжил я ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил". - "Что дашь от добра? - говорит ему бабка голубая шапка. - Доведу тебя до места хорошего. Будешь ли, - говорит, - поить-кормить, при смерти в зыбке качать?" - "Буду, - говорит Данило-дворянин, - кормить-поить, при смерти в зыбке качать". И пошли они вместе, и довела она его до места хорошего; вот и дошли они до двора: двор как город, изба как терем, комли не отрублены, вершины на сарай загибаны.

Вот она и поставила его под окошечко, а сама в палаты вошла. В палатах живет одна себе Настасья-царевна; вот наша бабка голубая шапка вошла, помолилась, на все четыре стороны поклонилась, а Настасье-царевне в особицу. "Эка, Настасья-царевна! Какая ты, - говорит, - хороша-пригожа, а живешь ты одна!" - "Как быть, бабушка! - говорит Настасья-царевна. - Уж так привелось; нет никого, так живешь и одна; что делать?" - "Вот, - говорит бабка голубая шапка, - я тебе привела молодца; поглянется ли?" Сейчас в околени брякнула, он и бежит в покои. Прибежал он в покои, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, Настасье-царевне в особицу. Вот он Настасье-царевне и приглянулся, и стала она с ним жить да поживать.

Вот она с ним живет долго ли, коротко ли, и посылает его к дядюшке князю Владимиру: "Зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; надоть, - говорит, - нам с тобой обвенчаться". Вот он сейчас обувался-одевался и прибежал к дядюшке князю Владимиру. Прибежал он к дядюшке князю Владимиру в терем, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу. Вот он и говорит: "Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи, надоть нам с ней обвенчаться". У дядюшки князя Владимира сидят в это время гости енаралы за столом и говорят ему: "Дядюшка князь Владимир! За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его такую службу, чтоб ему ввек не сделать". - "А какую же, - говорит, - накину я на него службу?" - "А такую, - говорят, - чтобы к утру выстроил церковь".

Вот он и пошел домой кручинен-невесел, головушку повесил. Вот Настасья-царевна встречает его и говорит: "Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Разве тебя, - говорит, - дядюшка князь Владимир царским питьем обошел или бранным словом нашел?" - "Нет, - говорит Горе-горянин, Данило-дворянин, - и бранным словом не нашел и питьем царским не обошел; а енаралы на меня службу накинули". - "А какую, - говорит, - службу?" - "А такую службу: приказали к утру церковь изготовить". - "Не твоя печаль, не тебе и качать! - говорит Настасья-царевна. - Молися спасу, ложися спать; утро вечера мудренее". Вот он спасу помолился и спать повалился, а Настасья-царевна вышла на круто красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: "Служки, няньки, верны служанки! Кто деревины вези, кто строй станови, чтоб к утру церковь поспела". Вот как словом, так и делом; сейчас церковь готова. Вот она и стаёт утром ранешенько: "Ставай, - говорит, - Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора тебе идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; нам надоть с тобой обвенчаться; церковь готова".

Вот он и ставал утром ранешенько, умывался, обувался, одевался скорешенько и побежал к дядюшке князю Владимиру. Вот он и прибежал туда; богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу, и говорит: "Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне, тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться: церковь готова". Гости енаралы опять говорят дядюшке князю Владимиру: "За экого чужестранного человека ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь, - говорят, - на его службу такую, чтобы ему ввек не сделать". Вот он и говорит: "А какую-такую я на его службу накину? Совсем я никакой не знаю". - "А такую, - говорят, - службу накинь, чтобы к утру, к свету, мост он

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
состроил: мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздём прибитые, по краям были бы перилы точены, головушки позолочены; на каждой головушке сидели бы птицы-пташечки и разными голосами пели".

Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошел опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Настасья-царевна его встречает и говорит: "Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, оченно кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка князь Владимир царским питьем обошел или бранным словом нашел?" - "Нет, - говорит, - и бранным словом не нашел и питьем царским не обошел; а как же мне веселу быть? Великую службу накиннули на меня енаралы". - "Какую же службу накиннули на тебя?" - спрашивает его Настасья-царевна. "А такую, - говорит он, - велели мост к утру, к свету, построить - мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздём прибитые, по краям были бы перилы точены, головушки позолочены; на каждой бы головушке сидели птицы-пташечки, разными голосами пели". Вот она и говорит: "Спасу молися и спать ложися: не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее". Вот он спасу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на круто красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: "Служки, няньки, верны служанки! Сбегайтесь, сряжайтесь со всех четырех сторон; кто мостовины вези, кто теши, кто перила точи, золоти, кто птиц имай и на головушки сади". Вот и сделался такой шум, гром, визготок, что дядюшка князь Владимир и окошко затворил, подумал, что преставление свету будет. Вот как словом, так и делом состроили мост. Вот и будит Настасья-царевна и говорит: "Ставай, Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора идти к дядюшке, князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сваты; надоть нам с тобой обвенчаться, а мост готов - хоть царю по нем кататься, так не стыдно!"

Вот он ставал ранешенько, одевался скорешенько, умывался, обувался и побежал. Вот он и прибежал туда, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю на особицу, и говорит: "Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне; тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сваты; надоть нам с ней обвенчаться, а мост готов - хоть царю кататься по нем, так не стыдно!" Гости енаралы опять говорят: "За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинй на его службу такую, чтоб ему не сделать и ввек". - "А какую же я накинну на его службу?" - "А такую, - говорят, - вели ему шубу сшить из сорока сороков черных соболей; соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита".

Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошел опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Вот и встречает его Настасья-царевна и говорит: "Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка царским питьем обошел или бранным словом нашел?" - "Нет, - говорит, - и царским питьем не обошел и бранным словом не нашел, а как же мне веселу быть? Великую службу накиннули на меня енаралы". - "А какую же?" - говорит Настасья-царевна. "А такую, - говорит, - велели сшить шубу из сорока сороков черных соболей, соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита". Вот она и говорит: "Спасу молися и спать ложися, не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее". Вот он богу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на красно круто крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом; "Служки, няньки, верны служанки! Кто соболи чини, кто шелки вей, кто золото лей, кто шубу шей, чтобы шуба к утру была сошита". Вот сейчас служки, няньки, верны служанки только тряхнули - шуба готова! Вот Настасья-царевна и будит его. "Ставай, - говорит, - Горе-горянин, Данило-дворянин, в божью церковь к заутрене!" - и подала ему три золотые яичка: первым с попом похристосоваться, вторым с дядюшкой князем Владимиром. "А третье береги, - говорит, - чем жить!"

Вот он и приходит в божью церковь к заутрене о Христовом дне; людно народу в церкви, не пускают его: "Бодёр очень!" - говорят. Вот он сейчас рукой пихнул, другой толкнул - народу лежит две улицы; он прошел наперед, стоит да молится. Вот это дядюшка князь Владимир усмотрел, посылает енарала: "Поди, - говорит, - спроси: что это за человек, из чьих родов, из каких городов, зачем приехал, что ему надоть?" Вот енарал пришел перед его, поклон отдал и стал его спрашивать. Он отворотился, да и рассмеялся: "Вот, - говорит, - брюханье! Не узнали же - службу-то прежде накидывали". Вот приходит время христосоваться; он с попом похристосовался, с дядюшкой князем Владимиром тоже, а третье яичко в пазухе держит. Вот вышли из церкви. Бежит по бую [ограде церковной] Гришка фурлатильный (?), черненький, маленький, хроменький, на одной ножке

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
поскакивает, ищет борца против себя молодца. Вот он Горе-горянин, Данило-дворянин третье яичко выхватил, годил [метил] в лоб, угодил в грудь, сшиб его с ног, бил, топтал, волочил, как барана в крови сделал.

Вот он приходит домой к жене; та его спрашивает, где яичко девал? "Первым яичком, - говорит он, - с попом похристосовался, вторым с дядюшкой князем Владимиром, а третье... Есть у вас здесь какой-то мошенник Гришка фурлатильный, черненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца; я шиб его в лоб, угодил в грудь, бил-топтал, волочил, как барана в крови сделал". - "Ну и черт с ним! Так ему и надоть!" - говорит Настасья-царевна. Вот она сходила в горенку, вынесла оттуда два золотые яичка, себе взяла, ему дала - похристосовались. Опять его посылает к дядюшке князю Владимиру - звать его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи: "Надоть нам с тобой обвенчаться".

Вот он побежал. Вот и приходит, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу: "Милости просим, - говорит, - к Настасье-царевне - тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; а енаралам твоим ничем меня не загонить". Вот он и сказал: "Сейчас пару коней вороных запрягу да и еду; ступай, - говорит, - домой, сряжайся да обряжайся". Вот он приходит домой, с Настасьей-царевной сряжались да обряжались. Дядюшка князь Владимир приехал, ни пива варить, ни вина курить - все готово! Веселым пирком да и за свадебку; обвенчались, стали жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил; по усам текло, в рот не попало; дали мне колпак - стали в шею толкать, дали мне шлык - я в подворотню и шмыг!